

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МАНАГЕР

**МОСКВА
2018**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 **Манагер / Евгений Щепетнов.** — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-096840-4

Может ли человек измениться под грузом навалившихся на него неприятностей? Неприятностей?! Это рабские лагеря неприятности? Или банда разбойников? А джунгли, кишмя кишящие инопланетными зверями, так и жаждущими вкусить твоей менеджерской плоти? Чтобы выжить — надо стать могучим воином и шаманом в мире, в котором металлы — редкость, в глубине джунглей растут разумные деревья, а рабовладение — обычное дело.

Что станет на этой планете с обычным земным парнем, не спецназовцем, не убийцей... время покажет!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096840-4

Глава 1

Я с трудом разлепил глаза и застонал — ужасно болела рука, тело чесалось и зудело. В глазах как будто мелькали тучи мошек, кружащиеся так, что меня начинало тошнить. Я повернулся на бок и вытошнил остатками шашлыка и колы. Вид содержимого желудка привёл меня в ещё большее тошнотное состояние, и рвотные спазмы последовали один за другим, пока уже нечего стало извергать, кроме желчи и желудочного сока. Голова немного очистилась, и я стал осознавать, что со мной что-то не так: где речушка, возле которой мы разместились, выехав всем офисом на майские посиделки — Первое мая, дело святое! Как не выехать на природу и не напороться всем офисом во славу будущих продаж комплектующих! А также параллельно не потискать свою соседку по офису Аньку — её стол стоит рядом, всего в метре от меня. Она так-то вполне благосклонно поглядывает на меня — хотя, может, это мне и кажется? Я не отличаюсь особым «мачизмом» — рыхловатый, не очень высокий, под 180 (а точнее, увы, 175) ростом, парень 25 лет от роду, ста килограммов весом (из них как минимум двадцать на жирок и пивной животик), подслеповатые глаза, мне даже справку на машину не выдали, сволочи, — как, мол, с таким зрением водить машину?

За четверть века моей спокойной и скучной жизни у меня была всего одна женщина — и та, менед-

жер с нашей работы, на десять лет старше меня, с неистребимым запахом табака изо рта, которой после развода требовалось хоть какого-то мужика, даже такого дрябленького и лоховитого, как я. Как я дошёл до такой жизни? А как все доходят? Спокойная семья, где отец инженер, а мама инспектор в собесе, школа, потом институт — физмат, пристроился менеджером по продаже в крупную фирму, торгующую компьютерным железом — зарплата недурная, думать особенно не заставляют, по-тихому можно поболтать по аське с друзьями, после работы пивка и в ролевик погонять — тут я уже просто зверь — фулл золотые доспехи, рву всех, в консте состою, ну а личная жизнь... а что личная жизнь — или мечты, или тридцатипятилетняя баба с запахом табака и небритостями, или порносайт — что ещё может позволить себе небогатый бесперспективный парень из приличной семьи? (Ой! — какая-то здоровенная крылатая сука ужалила меня в шею. Что за хрень? Где я?)

Мы набрали пива, водяры, и все, двадцать человек, загрузились в пять автомобилей. Через два часа, пробившись через потоки «леммингов», выдвигавшихся на дачу, мы уже мчались по трассе, уносившей нас к светлому будущему — шашлык, солнцу, речушке Клязьме, тихо несущей свои слегка опоганенные дачниками воды к своей сестре — Оке. Купаться, в якобы пьяном бессмысленном состоянии, прижимать к себе упругие тела офисных красоток, играть в дурацкий волейбол — терпеть его не могу — вот наше счастье на ближайшее время.

Всё развивалось так, как я и ожидал, — менеджеры быстренько перепились, девки визжали, потрясая обтянутыми купальниками сиськами, парни напрягали накачанную в спортзале мышцу, а я, стыдясь дряблых телес, бегал в резиновых шлёпках, слаксах и толстовке с капюшоном. Не то чтобы я был совсем

уж уродом — несмотря на свою дряблость и категорическое нежелание проводить время в спортзале, я был довольно силён — отец говорил, что это я в прадеда, кузнеца в станице Добринской, что на Дону, но по сравнению со спортивными загорелыми коллегами я смотрелся как плюшевый медведь с вытертым ворсом — большой, но... хмммм... плешивый, что ли. Моя старшая подруга говорила, что я слишком уж к себе придиричив и мне не хватает уверенности, не такой уж я и лох, как выгляжу, но я ничего не мог с собой поделать — ну вот такой, какой есть. Раскрепощался я, лишь выпив пивка, литра эдак три-четыре — как ни странно, выпить я мог очень много, и даже не падал с ног, только потом блевал с похмелья и долго болел. Читал про это в Сети — типа — особенности организма такие, мол, мои тела долго сопротивляются отравлению алкоголем, не пьянею я поэтому, но потом наступает возмездие... трясёт по полной. Не знаете, что такое вертолёт? Тогда расскажу — это когда вы ложитесь на постель, закрываете глаза, а кровать встаёт вертикально и начинает вращаться, всё ускоряя и ускоряя движение, пока не наступает разрядка — в тазик рядом с кроватью. Брррр... как подумаешь — так дурно делается... вот как сейчас, под этим здоровенным деревом.

Деревом? Это что за, на хрен, дерево?! Его высота не меньше чем метров двести! Это на Клязьме-то? Да там выше, чем осина, дерева нет! А на той осине даже Иуда бы не повесился, так как она сразу бы сломалась пополам!

Я приподнялся, сел, опираясь спиной на корявый ствол дерева-гиганта, и осмотрелся — впереди зеленела гладь то ли болота, то ли пруда с затянутой огромными зелёными листьями какого-то плавающего растения поверхностью, вокруг, в неярком зеленоватом свете, пробивавшемся через густые кроны деревьев,

стояло и лежало множество красивейших ярких цветов — если бы не болела башка и не хотелось бы блевать, я б залюбовался такой красотой. В воздухе носилось множество насекомых — или птиц? Я не мог понять, птицы это или насекомые, потому что их размеры были с кулак и больше, они сверкали всеми цветами радуги, гудели, как шмели, стрекотали, как кузнечики, пищали и кричали. Одно из этих ярких изумрудно-зелёных существ нацелилось на венчик красивейшего цветка диаметром с крупный подсолнух, зависло над ним, видимо, пытаясь напиться нектара. Я протёр свои заляпаные грязью очки о толстовку, надел и вздрогнул — цветок неожиданно ожил и со слышным даже отсюда хлопком — как будто ребёнок хлопнул в ладошки — схватил этого любителя сладкого, замерев, сжавшись в тугий комок. Опа! — подумал я, это что-то вроде росянки, что ли... я о такой пако-сти и не слыхивал. Здоровенный какой цветочек... похоже, я где-то в джунглях — Южная Америка или Африка? А как же я тут оказался? Меня напоили, посадили в самолёт с Рязановым и заслали в джунгли Южной Америки? Фу, бред какой... а это не бред? Вот эти хищные цветы размером с тарелку, вот эти деревья высотой с Эмпайр Стейт Билдинг, эти летающие светофоры — явно не пригородный лес! Как я тут оказался? Итак: мы жрали, пили, скакали, визжали, потом я собрался в кустах охватить любовью подругу — Катю Миханькову, ну, типа трахнуть её, пока она поддатенькая и благосклонная, и мы полезли в кусты подалее от всех. Катька шла неохотно, приговаривая, что, пока мы тут ползаем, там весь шашлык кладовщики сожрут — они парни прожорливые и бесстыжие, однако всё-таки пошла со мной. Вернее, потащилась — всё-таки мои сто килограммов и энергия желания, подогретая алкоголем и двухнедельным воздержанием, делали чудеса.

Я пёр сквозь заросли крапивы и смородины, как танк, остановившись лишь на небольшой полянке, покрытой слоем прошлогодней травы и новой травой, пробивавшейся сквозь этот войлочный слой. Прижав к себе податливую, пахнущую водкой и шашлыком Катьку, я впился в её губы, не обращая внимания на её попискивания: «Вот ты медведь! Кто бы подумал! Осторожнее! Лифчик порвёшь, зараза, он стоит столько, сколько ты ни фигу не зарабатываешь! Да не рви, скотина! Я сама сниму их! Тьфу, связалась с озабоченным пацаном! Ой! Что это?! Да стой ты, болван, глянь — шаровая молния, что ли? Да чёрт, остановись ты, отстань!»

Она пихнула меня в грудь кулаками, тяжело дышащего и стоящего уже со спущенными штанами, и с удивлением и испугом вперилась во что-то за моей спиной.

Я с досадой натянул на чресла слаксы и с неудовольствием повернулся, чтобы рассмотреть эту погань, которая помешала воссоединению разнополюх манагеров великой фирмы «АРРО». Было желание просто разорвать эту помеху — видимо, спермотоксикоз вкупе с алкоголем сделали из меня берсерка, — но рвать оказалось некого. Более того — объект, который появился рядом с нами, совсем не вызывал желания находиться с ним рядом.

Я не понимал, что это было — на шаровую молнию точно не похоже, ну, как их описывают в литературе и рисуют на картинках. Впрочем, я ещё ни одной не видал за свою жизнь, так что сказать ничего по их виду не могу. В общем, это был шар с зеркальной поверхностью, в которой отражались наши искажённые и глупые лица, он переливался радугой, сверкал и был настолько чужд и по виду, и по атмосфере чего-то неуловимо неземного, что становилось ясно — эта штука совсем не с Земли, не из

этого мира. Потом я долго думал — что же это такое было? Спрашивал учёных, мудрецов, никто так и не смог дать мне ответа, дать определение — что это было. После многолетних размышлений я пришёл к выводу, что два мира, наш и Машрум, каким-то образом соприкоснулись, как будто произошёл сбой. (В чём сбой? Да кто же знает! Я же компьютерщик, так что могу только размышлять как менеджер по продаже «железа» — сбой, и всё тут!) В общем, образовался пространственный пузырь, дырка, и в тот самый момент, когда я уже был близок к великой цели этого дня — сексу с Катькой.

Следующим шагом моим стал героический подвиг — типа спасения прекрасной дамы. Если быть честным, эта «дама» стояла на пути моего спасения, в противоположной стороне от этого хренова пузыря, полутора метров в диаметре, который не так уж и медленно двигался в нашу сторону с явно недобрыми намерениями, и, чтобы спастись, мне надо было в первую очередь преодолеть барьер из стоящей как истукан с открытым ртом Катьки, прижавшей скомканный лифчик к голой груди. Я задержался на долю секунды, толкнул Катьку вперёд, послав её как мяч для регби (вроде он называется дыня?) вперёд. Этой доли секунды хватило, чтобы сфера коснулась моей спины.

Меня завертело, закружило, как кровать-вертолёт после попойки, и я потерял сознание. В общем, похоже, что я совсем не в Южной Америке и не в Африке, а... я даже боялся сознаться, где я мог оказаться. Конечно, я прочитал множество книг про попаданцев, про великих магов и воинов, каковыми становились, по определению, все земляне, попадавшие в параллельные миры, но что-то как-то не чувствовал в себе великих магических сил — всё, что я чувствовал, — это то, что какая-то тварь ползёт по моей

ноге, что в шею впивается кусок коры дерева-великана, в руку... АЙ! — тварь мерзкая! — я раздавил на руке здорового комара, величиной с фалангу пальца, раздувшегося от моей крови. Кровь брызнула, залила мне руку, и на неё с жужжанием, похожим на звук вентилятора, бросилось ещё несколько этих тварей, привлечённых запахом крови. Я яростно замазал руками, разгоняя кровососов, сбив в полёте нескольких и увернувшись от какого-то жука величиной с мой кулак, тоже собиравшегося полакомиться моей сладкой, вскормленной на коле и бутербродах кровью.

Видя, что дармоедов-кровососов становится всё больше, я вскочил на ноги и помчался прочь от этого места, выбирая дорогу посуше. Вскочил и побежал — сказано громко, я с трудом поднялся, хромя и накренясь, заковывлял, как подбитый истребитель времён Второй мировой войны.

Кровососы вроде как отстали, а сердце моё норовило выпрыгнуть из груди, когда я неожиданно наткнулся на тех, кто, собственно, и владел этим миром, — передо мной стояли три человека, выше меня ростом, черноволосые, похожие то ли на тайцев, то ли на японцев, то ли на индейцев майя. Они ошеломлённо смотрели на меня, как бы не веря своим глазам... Ну, я бы тоже не поверил своему зрению, если бы возле речки Клязьмы встретил человека в набедренной повязке, шлеме, в панцире и с копьём в руках. Я остановился, тяжело дыша, и в голове мелькнула дурацкая мысль — а может, они сейчас брякнутся на колени с криками: «Кетцалькоатль! Кетцалькоатль!» Вот было бы здорово и решило много, очень много проблем. Однако я всегда был неудачлив — и когда шёл в школу и меня обдавал грязью проезжающий автомобиль, и когда разбивал папину вазу за ударный труд, и когда вместо Катькиной

тёплой любви получал в спину портал между мирами — в общем, один из типов отдал резкий отрывистый приказ, и второй, тот, который с копьём, врезал оным мне прямиком по тому месту, которое ранее прельщало Катьку.

Я выругался матом и свалился на землю, задыхаясь от боли и скорчившись, как зародыш в животе матери. Эти придурки засмеялись, один из них сказал что-то, видимо, очень весёлое в мой адрес, после чего они засмеялись ещё громче. Затем тот, у которого на поясе я заметил что-то вроде длинного ножа или меча, подошёл ко мне, схватил за волосы и оттянув голову назад, приложил к шее лезвие своего мачете, или как его там, с очевидной целью лишить меня вместилища разума. Так бы оно и случилось, если бы их командир не прикрикнул на него, остановив, и не подошёл ко мне. Он осмотрел моё небольшое многострадальное тело, пнул его в бок и что-то сказал. Я ничего не понял. Тогда второй опять схватил меня за волосы и потащил вверх, после чего я вынужден был подняться на колени, а потом на ноги. Со стороны, наверное, это выглядело комично — этакий микро Пьер Безухов стоял на цыпочках перед как гора возвышающимся смуглым худым дикарём, держащим его за хвостик волос.

Надо сказать, я волосы свои отрастил довольно большой длины, так что они легко складывались в хвостик сзади — такой, как у пленивших меня солдафонов. (А кто же ещё они были, если обвешаны оружием и ведут себя как солдафоны?) Предводитель что-то с презрением сказал, и держащий меня солдат взмахнул своим мечом. Ну, тут я решил — мне конец! Однако конец наступил только моему длинному хвосту из волос, полетевших в грязную лужу под дерево. Мои волосы рассыпались, и некоторое время я ничего не видел... до тех пор, пока не лишился

остатков волос, срезанных почти под корень злым «парикмахером». Процедура стрижки завершилась минут через пять — я не видел себя в зеркале, однако предполагал, что зрелище это было жалкое и отвратительное...

Меня ткнули в спину древком копья, и я зашагал вперёд, сопровождаемый смехом и разговорами мучителей. Прислушиваясь к разговорам, я пытался понять, что за язык, есть ли какие-то знакомые выражения или фразы — ведь я много читал и о том, что параллельные миры время от времени общаются между собой, может, и народы как-то рождаются с теми, что были и есть на Земле. А я всё-таки знал английский язык, ещё изучал немецкий и испанский — так, по приколу, чтобы материть противника в ролевой игре на их родном языке, вот теперь подсознательно искал знакомые слова в их речи. Но нет — язык был совершенно мне неизвестен.

Через полчаса ходьбы по еле заметной тропинке мы вышли к опушке леса, за которой был виден лагерь наподобие концентрационного или же просто зоны, каких много на Севере, этакий ГУЛАГ — присутствовало всё: вышки, солдаты на них, ворота, высокие заборы и толпы заключённых. Впрочем, не сказал чтобы толпы — лагерь был огромный, но заключённых было не очень много — они что-то перетаскивали, перекатывали, суетились — обнажённые, только в набедренных повязках, смуглые... и не очень. С удивлением я увидел людей, смахивающих на меня — русоволосые, довольно высокие, с более бледной кожей, не от природы тёмной, а загоревшей на солнце.

Наша странная процессия заинтересовала всех — даже заключённые (Или рабы? Скорее всего рабы, какие, к чёрту, заключённые...) остановились и заворожённо смотрели на нас. Мои сопровождающие

гордо и надменно прошли мимо голых рабочих, подталкивая меня вперёд, и остановились перед высоким смуглым мужчиной в украшенных стекляшками (или настоящими драгоценными камнями?) доспехах.

Он отрывисто спросил у них, видимо — что за чучело вы привели? Старший ответил, начальник пренебрежительно сплюнул, кивнув на меня, старший опять в чём-то стал убеждать и подтолкнул меня к лежащему рядом бревну толщиной сантиметров тридцать, показывая жестами — подними, мол, и на плечо! Подумав немного, я решил — лучше бревно на плечо, чем меч на шее, подошёл к бревну и поднял его, и взвалил на себя. Все вокруг радостно закричали, старший развёл руками, как дрессировщик на арене, а главный хмыкнул, чего-то сказал и кивнул. Похоже, что меня продали.

Старший дал мне пинка, придавая направление движения, и я потащился в центр огромного периметра — видимо, там было что-то вроде рабских казарм или барачков заключённых — я так до конца не разобрался, кто есть ху.

Казарма оказалась длинным помещением с сотнями, а может, тысячами нар, сколоченных из грубо обработанных досок, на которых лежали тюфяки, вероятно набитые соломой. Одеяд, похоже, не полагалось — да и какие одеяла в такую жару — температура приближалась к тридцати градусам, понятно, почему тут все бегают голышом. Возле входа вытянулись столбами с десятков обитателей казармы — то ли дежурных, то ли постоянных, этаких завхозов, и старший что-то приказал им, после чего двое сорвались с места и побежали в глубь помещения. Мне опять же жестами было приказано раздеться догола, что я и сделал, под заинтересованными взглядами рабов. Всё, что я снял, тут же было реквизировано

старшим воином. Так-то мне было наплевать — если забыть о том, что он забрал и очки, а без этих стёклышек я был практически беспомощен — не видел вдаль дальше десяти метров — вернее, видел, но без деталей — туманные фигуры, и всё.

Убежавшие вдаль рабы вернулись, держа в руках какие-то тряпки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся набедренной повязкой, такой как у них, только ещё более затрёпанной. Впрочем, её скорее всего хоть плохонько, но стирали — по крайней мере она не воняла, и то ладно.

Я стал прилаживать к себе эту повязку, но долго не мог понять — как же она крепится и как её намазывать, потом сообразил — это просто два болтающихся спереди и сзади куска ткани, никак не скрепляющихся между собой и соединённых верёвочкой, завязываемой на поясе. Почему-то я думал, что эти куски ещё и снизу, между ног, крепятся или завязываются, чтобы любой ветерок не мог обнажить то, что нравилось Катьке... иногда. Однако нет — просто тряпочки на бёдрах, и всё.

Старший хмыкнул, глядя на мои потуги одеться, и вышел из казармы. Я остался один, если не считать десятка туземцев, дружелюбно и не очень взирающих на меня. Один из них, видимо казарменный старшина, махнул мне рукой — следуй за мной — и пошёл вдоль барака.

Скоро я узнал, что моё место не так чтобы уж у параша, но и не очень далеко от неё... в общем, фигурально мне сразу указали, что моё место в этом мире очень, очень низко, ниже первой ступени в социальной лестнице.

Моя лежанка была на третьем ярусе, где было довольно жарко и душно — казармы вентилировались воздухом из дверных проёмов, и горячий спертый воздух поднимался вверх. Само собой, скорее все-